

надо понимать медика Бомелия, а под царем — Ивана Грозного.⁴ Эту мысль поддерживает и В. С. Иконников.⁵ «Повесть» он прямо называет «Повестью о Бомелие некоего боголюбимаго мужа». Свой вывод о «Повести» В. С. Иконников основывает на сравнении текста «Повести» с рассказом о Бомелии (Елисеи) в Псковской летописи.

В. А. Келтуяла в героях «Повести» не видит конкретных лиц времени Грозного, но появление ее связывает с дворянской средой и считает, что по идеям она во многом перекликается с произведениями Пересветова.⁶

К мнению В. А. Келтуялы близок И. У. Будовниц,⁷ но его точка зрения более обоснованна. Появление «Повести» он тоже связывает с дворянской средой и также считает, что по идеям она близка Пересветову. Главное содержание «Повести», по мнению И. У. Будовница, заключается в апологии самодержавия. Боярство заклеено в «Повести» и представлено в виде чародеев. И. У. Будовниц считает возможным под главным чародеем, выведенным в «Повести», подразумевать конкретное лицо и видеть намеки на конкретные события. Он думает, основываясь на заглавии, что содержание «Повести» передает факты, случившиеся в Русском государстве до смерти митрополита Макария. Поэтому, по мнению И. У. Будовница, в чародее нельзя видеть ни Бомелия, ни опричников: чародей — Сильвестр, и события в «Повести» надо связывать с деятельностью и падением «Избранной рады».

Таким образом, все исследователи «Повести некоего боголюбивого мужа» убеждены, что появление ее и отражение в ней исторических событий связано с эпохой Грозного. При этом некоторые исследователи видят в «Повести» отражение истории голландского врача Бомелия и, следовательно, все содержание «Повести» сводят к изображению чародейства и борьбы с ним. Большинство же исследователей видит в «Повести» отражение идеологии, защищающей интересы дворянства. И. У. Будовниц в этом отношении идет дальше всех, связывая содержание «Повести» с деятельностью и падением «Избранной рады».

На основании данных одного списка «Повести» трудно решить вопрос, кто из исследователей ближе стоит к истине и правы ли они вообще, относя это произведение к эпохе Ивана IV. Однако наблюдения над этим единственным списком все же позволили сделать ряд предположений.

Список «Повести некоего боголюбивого мужа» находится в сборнике в 4-ку ГПБ из собрания Погодина № 1570. Рукопись в хорошем состоянии. В сборнике — 247 заполненных листов и в конце 3 листа чистых. Весь сборник написан почерками XVII в., по преимуществу скорописью: с л. 1 по л. 221 об. — скорописью первой половины XVII в., на лл. 190—221 об. — несколько другие чернила, и статья, помещенная на лл. 194—201 об., написана более небрежно и крупным почерком, возможно, и другим писцом; л. 222 и до конца — другой почерк, тоже скоропись XVII в. Одна статья в этой части сборника, на лл. 235—242 об., отличается почерком, близким полууставу. И по водяным знакам видно, что сборник составлен, по крайней мере, из двух рукописей. На листах первой рукописи водяные знаки — кувшинчики несколько отличной друг от

⁴ И. Порфирьев. История русской словесности, часть 1. Древний период. Казань, 1891, стр. 601.

⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1814.

⁶ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 2. СПб., 1911, стр. 621—624.

⁷ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 218—221.